

А.А. Штеба

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград*

ЭМОТИВНАЯ ФЛУКТУАТИВНОСТЬ СЛОВА EMOTIVE FLUCTUATION OF A WORD

Ключевые слова: сема, эмосема (явная/скрытая), уровни согласования эмосем, эмотивная валентность, эмотивная флуктуативность.

Keywords: seme, emoseme (obvious/hidden), levels of emosemes' combination, emotive valence, emotive fluctuation.

Эмоции играют особую роль в жизни человека. В частности, это ярко проявляется в речевой деятельности, когда эмоции являются мотивационной основой сознания, поскольку именно эмоциональное переживание движет человеческой когницией (Шаховский, 2006: 67). Более того, по мнению А. Бине, эмоциональный образ лежит в основе говорения, в связи с чем эмоции побуждают к продуцированию речевого высказывания, координируют его, а также воздействуют на адресата, «заражая» его транслированным эмоциональным импульсом.

Одним из ведущих свойств эмоций считается их кластерность. Человек постоянно испытывает какое-либо «пучкообразное» эмоциональное переживание, точное определение которому бывает трудно найти. На условной шкале 'эмотивной плотности' некоторого высказывания выделяются два крайних полюса – низкая и высокая плотность. Кластерность предполагает высокую плотность, когда в ней, как в количественной характеристике, можно выделять качественные разновидности. К таковым относится, например, амбивалентность. Амбивалентность суть еще одно свойство эмоционального и эмотивного.

Противоположный предел данной шкалы занимает одиночная эмотивность или эмотивная моновалентность. В контексте сказанного об особенностях эмоций, понятие моновалентности становится не более чем теоретическим конструктом. Оно условно, когда такое словосочетание как, например, *amour du cœur* (любовь сердца) также подвержено множественной эмоционально-смысловой интерпретации. И из его употребления не следует то, что говорящий испытывает исключительно положительное эмоциональное переживание. Здесь, слово *сердце* конкретизировано лексемой *любовь*, тем самым, задавая эмоционально-оценочный полюс данной конструкции. И *любовь*, и *сердце*, например, во французском языке характеризуется наличием положительной эмоционально-оценочно-образной составляющей, и их объединение должно привести к усилению данного смыслового компонента. Действительно, поменяв элемент дистрибуции слова *cœur* (*сердце*), т.е. любовь на ненависть, произойдет мена данного полюса.

Необходимо же обращать внимание на дистрибуцию уже словосочетания, где *любовь* и *сердце* по отдельности положительно-эмоционально-оценочны, словосочетание *любовь сердца* как семиотическое образование также положительно, но уже последний знак в сочетании с его контекстом как другим знаком может менять эмотивность словосочетания: *эта мерзкая любовь сердца, заставляющая смотреть на летящий мимо тебя поезд как на спасение*. В данном предложении, положительно-оценочной эмотивной валентности (далее ЭВ. – А.Ш.) *любовь сердца*, противоречит отрицательная – *мерзкая любовь*, а также на эмоционально-смысловую составляющую влияет имплицитруемая идея суицида: человек хочет не уехать и тем самым спастись от своих чувств, поскольку расстояние не является препятствием для любви, а покончить жизнь самоубийством, одномоментно завершив своим переживания. И уже словосочетание *любовь сердца* становится отрицательно-эмоционально-оценочным потенциативом. Аналогично и нейтральное словосочетание, к примеру, *книжная полка*, может быть как положительно (*Моя любимая книжная полка*), так и отрицательно (*Да, чтоб ты провалился вместе со своей книжной полкой!*) эмоционально-оценочным. Такой процесс называется «наведением эмосем» в семантику слова (Шаховский, 1988).

Попытаемся обосновать возможность подобного эмотивного приращения семантики слова. Возникает правомерный вопрос о том, есть ли какие-нибудь правила, ограничения в семантике или же прав А.Ф. Лосев (Лосев, 1982: 49), писавший о безграничной смысловой валентности? Мы считаем, что, бесспорно, данный ученый абсолютно прав, но существуют вполне логичные и лингвистические доводы относительно такой смысловой и эмоциональной нерегулярности.

В ходе нашего исследования, посвященного рассмотрению частного предмета эмотивной лингвистики, - ЭВ слов, возникла необходимость в более глубинном анализе операционального механизма реализации ЭВ. Согласно определению В.И. Шаховского, ЭВ – это сочетание слов на основе явных или скрытых эмосем (Шаховский, 1984: 98). Но выше было показано, что из коннотатива *любовь сердца* образуется отрицательно-оценочный потенциатив, превращая данную ЭВ в средство выражения эмоций отчаяния, ненависти, презрения. Поскольку форма данного словосочетания остается прежней, имеет место некоторый внутренний процесс, приводящий к эмоционально-оценочной переориентации данной ЭВ. Поэтому создание ЭВ всегда предполагает два уровня. В связи со сказанным ЭВ представляет собой сочетание слов (шире, любых семиотических образований) при двухуровневом сочетании их эмосем: первый уровень (внешний) есть сочетание явных или скрытых эмосем, второй (внутренний) есть дополнительное сочетание скрытых эмосем. Причем скрытый уровень может противоречить внешнему. В таком случае любая ЭВ слова всегда реально или потенциально амбивалентна. Данная потенция обусловлена семантикой, поскольку в каждом слове есть семантические признаки ‘эмоция’ и ‘оценка’

(Стернин, 1985: 76), конкретизация которых зависит только от говорящего, ставящего ту или иную единицу в ту или иную дистрибуцию.

Возвращаясь к схематично обозначенной выше шкале эмотивной плотности, не бывает эмотивно моновалентных слов. Потенциально, каждое слово является амбивалентно эмотивным. Подтверждают высказанное положение о потенциальной эмоционально-оценочной амбивалентности любого слова / словосочетания, энантиосемичные ЭВ слов. Под энантиосемией принято понимать «развитие прямо противоположных значений слова в результате регулярного антифразисного использования» (Москвин, 2007: 889). Например, во французском языке слово *mot* (слово) произошло от латинского *motus* – молчание. Рассмотрим такую ЭВ слова *cœur* (сердце) как *cœur brûlant* (горящее сердце). Известно, что положительные эмоции ассоциативно характеризуются как горячие, а отрицательные – холодные. Но данное словосочетание с компонентом *cœur* выражает не только кластер положительных эмоций с центром любовь, но и отрицательных – ненависть. В.П. Руднев (Руднев, 2010: 81-83) задается вопросом почему любовь с самого начала содержит в себе ненависть, что З. Фрейд называл амбивалентностью любви. Любимого человека можно ненавидеть в определенной ситуации, возможно имитировать любовь с ненавистным человеком, ненависть может быть вызвана недоступностью объекта любви, а его достижение способно провоцировать разочарованность и ненависть. Пытаясь найти этому объяснение, автор обращается к лингвистике и психоанализу. Что касается первого, лингвистического подхода, внимание обращается на такую универсальную закономерность языка как энантиосемию. По мнению некоторых этимологов и имя существительное 'любовь', и прилагательное 'лютый' восходят к одному индоевропейскому корню *lei* – «быть возбужденным». Причем данное возбуждения, исходя из актуальной семантики единиц и их потенциальной энантиосемичности, является свободно направленным. В психоаналитическом ключе, проф. В.П. Руднев обращается к известному феномену идентификации, когда в определенном возрасте ребенок (мальчик) начинает ненавидеть отца, отнимающего у него мать. Это чувство ненависти на фоне любви. Аналогично и ЭВ *cœur brûlant* реализует свой отрицательно-оценочный потенциал в следующем примере: *l'amour c'est comme une flamme, au début ça vous réchauffe le coeur ensuite ça devient un feu difficile à éteindre et à la fin ça vous brûle le coeur en vous laissant un arrière goût de cendre* – любовь похожа на пламя. Вначале оно согревает Ваше сердце, затем, этот огонь становится трудно погасить. А в итоге это сжигает сердце, оставляя Вам лишь привкус пепла (Здесь и далее перевод наш. – А.Ш.)

Данное свойство эмотивности, подразумевающее потенциальную эмоционально-оценочную амбивалентность любого слова / словосочетания или любого семиотического образования в целом, возможно обозначить флукувативностью (от франц. *fluctuation* – колебание; мерцание; текучесть).

В своем исследовании А.Д. Палкиным была рассмотрена эта характеристика эмотивного компонента семантики слов. Анализируя

лексико-морфологические средства выражения эмоций детьми в возрасте от 2 до 5 лет, фактический материал позволил автору заключить о лабильности таких статусов эмотивов, в терминологии В.И. Шаховского, как аффектив, коннотатив, потенциатив. К тому же было определено, что удельный вес использования уменьшительно-ласкательных суффиксов у дошкольников флуктуирует («флюктуирует») в зависимости от конкретной возрастной группы (Палкин, 2002).

Диахронический анализ эмотивности слова *cœur* (*сердце*) во французском языке позволяет заключить о том, что после того как была установлена связь: переживание эмоции – вызванные этим изменения в деятельности сердца как органа (учащенное сердцебиение), оно превратилось в потенциатив. Возможно по причине того, что только при переживании положительных эмоций у человека есть время обращать внимание на функционирование его организма, слово *cœur* (*сердце*) стало символом любви, что сузило его эмотивность, переведя этот эмотив из разряда потенциатива в коннотатив (положительная коннотация). Во французском языке наблюдается также тенденция к употреблению данного слова как аффектива (*pif-pof du cœur, badaboum du cœur, ton cœur*), когда из коннотатива слово *cœur* превращается в аффектив.

Эмотивность флуктуирует не только по направлению усиления / ослабления эмоционально-оценочно составляющей семантики, например, положительные потенциатив – коннотатив – аффектив, но и оппозитивно: положительная коннотация преобразовывается в отрицательный потенциал, с возможностью последующего перехода в отрицательную коннотацию. Большое количество фразеологизмов с компонентом *cœur* выражают отрицательные эмоциональные переживания. Тогда и их отрицательная эмотивность из статуса потенциатива переходит в коннотатив. В таких ЭВ как *déchirer le cœur* (*разрывать сердце*), *arracher le cœur* (*вырывать сердце*), *bourreau des cœurs* (*палач сердец*), *cœur saigne* (*сердце кровоточит*) и пр. у слова *cœur* актуальна отрицательная эмотивность, которая уже не потенциальна, а коннотативна.

Эта проблема соотносится с динамикой эмотивности. В.И. Шаховским рассмотрено изменение нормы реализации эмотивов в синхронии и диахронии. Суммируя основные выводы, полученные исследователем, в диахроническом аспекте флуктуирующий характер нормы эмотивности проявляется в следующем: 1) появление эмотивных коннотаций у нейтрального значения; 2) девальвация (пропадание) эмотивной семантики с переходом слова в разряд нейтральных; 3) появление эмотивного лексико-семантического варианта слова; 4) развитие эмотивной амбивалентности; 5) реверсия оценочного знака эмотивности; 6) ослабление эмотивности слова, вызванное либерализацией этических норм (Шаховский, 1988: 302-307). Профессор В.И. Карасик, рассматривая «судьбу оценочного знака в значении слова» выделяет три направления такой трансформации: 1) от нейтральности к оценочности; 2) от оценочности к нейтральности (потеря оценки); 3) оценочная энантиосемия. При последней в значении одного слова

существуют актуальные семы 'положительная' и 'отрицательная' оценка (Карасик, 2002: 29). Что касается синхронического среза, В.И. Шаховским введены такие понятия как «прогрессирующая эмоционализация семантики» (Шаховский, 1988: 328), когда потенциатив может переходить в разряд аффективов, функционируя в определенном тексте, а также понятие «памяти эмотивов» (там же, с. 315). Второе представляет собой аккумуляцию реализованной ранее эмотивности в семантике слова с возможностью последующего выхода в определенной коммуникативной ситуации. Употребление слова в одном значении не исключает тот эмоционально-смысловой шлейф, тянущийся за ним. Последний есть тень данного актуального в конкретной ситуации значения, которые ошибочно пытаются разделить или рассматривать в отдельности. Эта память может быть и амбивалентной.

Известно, что в химии сочетание одних атомов разными способами приводит к образованию изомеров, т.е. основное вещество остается, но его свойства изменяются. Аналогично необходимо учитывать «изомерность ЭВ», когда всякое создание нового слова из прежнего создает вместе с новым значением и новое представление (Потебня, 1905: 19). Каждое употребление одного и того же слова/словосочетания в разном контексте преобразовывает семантику данных единиц.

Расширенное понимание механизма создания ЭВ слова (внешний и внутренний уровень сочетания эмосем) представим в следующих схемах образования эмотивных словосочетаний. Возможно выделить четыре схемы соотношения собственно сем и эмосем по признаку их 'явный/скрытый характер':

- 1) явные семы и явные эмосемы;
- 2) скрытые семы и скрытые эмосемы;
- 3) явные семы и скрытые эмосемы;
- 4) скрытые семы (либо их отсутствие) и явные эмосемы.

Рассматривая данные схемы в аспекте эмоционально-смысловой составляющей ЭВ слова, к первому случаю (явные семы и явные эмосемы: *cœur de lion – львиное сердце*) относятся случаи реализации ЭВ слова во фразеологизмах, для которых характерна устойчивая эмоционально-оценочно-образная составляющая. Во втором (скрытые семы и скрытые эмосемы: *pétales du cœur – лепестки сердца*) – речь идет об окказионализмах, эмоционально-смысловая целостность которых подкрепляется потенциальными семами 'эмоция' и 'оценка' в семантике слова, а далее, возможен поиск прочих интегральных, собственно смысловых компонентов. На сказанное следует обратить особое внимание, поскольку эмосемы не только приводят к расширению семантического согласования слов, но и обуславливают кажущиеся ненормальными, абсурдными образования. Если эмоционально-смысловая составляющая словосочетания *ноги обоев* флуктуирует, то есть определяется только исходя из контекста, то допустимость, в принципе, такой и подобных конструкций объясняется наличием, как минимум, потенциальных эмосем в семантике любого слова.

Именно такие семантические компоненты становятся основанием к образованию, строго говоря, логичного, системного словосочетания. Нельзя забывать о том, что основное правило семантического согласования заключается в наличии в семантике сочетающихся единиц общих сем. В роли последних выступают эмосемы. Это и объясняет, с точки зрения семантики, образование абсурдных конструкций. Например, обратимся к словосочетанию *ruche du cœur* (улей сердца). Улей представляет собой вместилище (общая со словом *cœur* сема), жилище пчел. Возникает вопрос о том, какая связь между пчелами и сердцем? Здесь, важен продукт, производимый пчелами – мед (*miel*). Как только устанавливается эта связь, уместно вспомнить пословицу *bouche de miel, cœur de fiel* (досл.: медовый рот, желчное сердца. Во рту мёд, в сердце лёд). Важна идея сладости, которая также может надоедать, а, становясь метафорой притворства, - вызывать недоверие. Данная ЭВ была извлечена из следующего контекста: *Les grands coeurs sont comme les ruches trop grandes que le miel ne peut remplir et qui deviennent le nid de vipères* (А. Mickiewicz). – *Большие сердца похожи на очень большие улья, которые не могут быть полностью заполнены мёдом и становятся жилищем змей.*

Третий (явные семы и скрытые эмосемы: *cœur battant* – бьющееся сердце) – схема к образованию нейтральных словосочетаний. В основе лежат общие логико-предметные семы, а переход подобных конструкций в статус эмотивов осуществляется ситуативно. Контекст будет активировать их скрытые эмосемы. К четвертой схеме (скрытые семы и явные эмосемы: *bat du cœur* – бам сердца) относятся аффективы, когда эмоциональная оценка преобладает в семантике.

Но помимо данных схем, возможно говорить и о дополнительном скрытом уровне, при котором устойчивая эмоционально-смысловая составляющая фразеологизма меняется на противоположную, а декодирование свободного словосочетания предполагает также потенциальную двунаправленность интерпретативной деятельности.

Подведем итоги:

- смысловая валентность слов безгранична, поскольку в семантике любого слова присутствуют семантические признаки 'эмоция' и 'оценка', что и задает эту неограниченность. А поскольку смысл всегда эмоционально-оценочен, то безгранична эмоционально-смысловая валентность слов, которая в речи трансформируется в эмотивную;

- ЭВ предполагает двухуровневое сочетание любых семиотических образований на основе общих эмосем, где первый уровень – внешний, а второй – скрытый, дополнительный;

- реализация ЭВ слова происходит с целью выражения определенного эмоционального переживания говорящим. Значит, в результате актуализируется положительная или отрицательная эмотивность слова, у которого реализуется ЭВ;

- понятие «памяти эмотивов» не позволяет рассматривать конкретную реализацию ЭВ слова как уже оформленное в эмоционально-смысловом

плане образование: за актуальной эмотивностью тянется шлейф уже реализованных ранее ЭВ данного слова;

- данный шлейф может быть противоположным в эмоционально-смысловом плане актуальной эмотивности, поскольку говорящий, характеризуя, к примеру, положительно данный объект, имеет опыт и его отрицательного оценивания;

- возникновение подобной потенциальной эмоционально-смысловой амбивалентности обуславливает внутренний уровень сочетания эмосем. Когда только с учетом актуальной и потенциальной эмотивности слова, всей коммуникативной эмоциональной ситуации становится возможным идентифицировать коммуникативное намерение говорящего. В таком случае форма может противоречить содержанию, а любовь означать ненависть;

- данная эмоционально-смысловая множественность интерпретации одной ЭВ является характерной особенностью эмотивности как семантической категории. Это подтверждает другую характеристику эмотивности – ее флуктуативность. К последней относятся как изменения эмоционально-оценочной составляющей семантики слова в диахронии, так и синхронии, в результате ситуативного приращения эмосем.

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
2. Лосев А.Ф. Знак, символ, миф. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с.
3. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. - Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 940 с.
4. Палкин А.Д. Лексико-морфологические средства выражения эмоций в онтогенезе речевой деятельности. Автореф. дисс. ... канд. филол. н. - М., 2002. – 24 с.
5. Потебня, А.А. Изъ записокъ по теоріи словесности. – Харьковъ: Паровая типографія, М: Зильбербергъ и С-вья, 1905. – 641 с.
6. Руднев В.П. Полифоническое тело: Реальность и шизофрения в культуре XX века. – М.: Гнозис, 2010. – 400 с.
7. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. – 172 с.
8. Шаховский В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // Вопросы языкознания. 1984. – № 6. – С. 97 – 103.
9. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка (на материале англ. языка): дис. ... докт. филол. н. - М., 1988. – 402 с.
10. Шаховский В.И. Эмоции - мотивационная основа человеческого сознания // Вопросы психолингвистики. 2006. – № 4. – С. 64 - 69.

References

1. Karasik V.I. Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs. – Volgograd: Peremena, 2002. – 477 s.
2. Losev A.F. Znak, simvol, mif. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1982. – 480 s.
3. Moskvina V.P. Vyrazitel'nye sredstva sovremennoj russkoj rechi. Tropy i figury. Terminologicheskij slovar'. - Rostov n/D: Feniks, 2007. – 940 s.
4. Palkin A.D. Leksiko-morfologicheskie sredstva vyrazhenija jemocij v ontogeneze rechevoj dejatel'nosti. Avtoref. diss. ... kand. filol. n. - M., 2002. – 24 s.
5. Potebnaja, A.A. Iz# zapisok# po teorii slovesnosti. – Har'kov#: Parovaja tipografija, M: Zil'berberg# i S-v'ja, 1905. – 641 s.
6. Rudnev V.P. Polifonicheskoe telo: Real'nost' i shizofrenija v kul'ture XX veka. – M.: Gnozis, 2010. – 400 s.
7. Sternin, I.A. Leksicheskoe znachenie slova v rechi. – Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 1985. – 172 s.
8. Shahovskij V.I. Znachenie i jemotivnaja valentnost' edinic jazyka i rechi // Voprosy jazykoznanija. 1984. – № 6. – S. 97 – 103.
9. Shahovskij V.I. Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoj sisteme jazyka (na materiale angl. jazyka): dis. ... dokt. filol. n. - M., 1988. – 402 s.
10. Shahovskij V.I. Jemocii - motivacionnaja osnova chelovecheskogo soznaniya // Voprosy psiholingvistiki. 2006. – № 4. – S. 64 - 69.

(0,4 п.л.)